

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С84

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 104

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

С84 Стрелков, Владислав Валентинович

Случайный билет в детство: роман / Владислав Стрелков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 448 с. — (Современный фантастический боевик).

ISBN 978-5-17-099554-7

Не соглашайтесь, если кто-то неизвестный предлагает вам загадать желание! Может стать, оно сбудется.

Капитан российских спецслужб Сергей Вязов как рыба в воде чувствовал себя в операциях по борьбе с захватом заложников. Быстрый и резкий на службе и в быту, он не терпел лжи и несправедливости. За что и пересидел в капитанском звании все сроки.

Успешно завершив сложную антитеррористическую силовую акцию, Сергей летел в отпуск в родные края, на встречу с одноклассниками.

И прилетел... назад, в СССР, в 1984 год. Он снова школьник, ученик 7-го класса. С памятью взрослого человека, офицера спецназа. Обстоятельства складываются так, что Сергей поневоле начинает изменять свою судьбу. А значит, и чужие тоже...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-099554-7

© Владислав Стрелков, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владислав СТРЕЛКОВ

**СЛУЧАЙНЫЙ
БИЛЕТ
В ДЕТСТВО**

Москва
Издательство АСТ

Глава 1

Догонять поднимающийся лифт — то ещё развлечение. Мне и Олегу Жихареву места в кабине не досталось, и, проклиная её маленькие габариты и внушительных напарников, мы несёмся вверх по лестнице. На площадку последнего этажа выскочили одновременно с открывающимися створками лифта.

— Однако! — удивились ребята, вываливаясь из кабинки.

— В следующий раз побежите вы, — выдыхает Олег, — для фигуры полезно.

Легких и Любшин смеются и поднимаются по лестнице, ведущей на крышу.

— Что там? — спрашиваю остановившихся ребят.

— Закрыто тут, — гудит Андрей.

Только я собрался доложить о проблеме, как что-то треснуло, и дверь распахнулась.

— Уже открыто, — хмыкает Любшин, откидывая сломанный замок.

Ворвавшийся в душный подъезд, свежий ветерок принёс облегчение. На крыше обалденная прохлада, а в подъезде духота и смрад. Не завидую штурмовой группе, что засела на лестничной площадке.

Быстро готовим альпинистские веревки. Наша задача — обеспечить прикрытие с тыла, а именно — контроль окна девятого этажа, выходившего на противоположную сторону жилой высотки, и, если необходимо, штурм через него. Другие группы расположилась комфортнее нас — они сидели на другой стороне дома, в лоджиях квартир этажом выше. Им штурмовать по трём путям — в лоджию, в окна,

смежной комнаты и кухни. Остальные, готовясь к штурму, сгучились на узкой площадке у двери квартиры.

Пристегнувшись к веревке, я подошел к краю и глянул вниз. Жихарев стоит в двух метрах. Паша Легких и Андрей Любшин пойдут вслед за нами.

— Прошу, сударь, — куртуазно кланяясь Жихареву, повожу рукой за край парапета, — уступаю вам право первому сделать шаг в бездну.

— Ну что вы, мсье, — так же шутовски кланяется тот, — только после вас.

— Кончайте паясничать, мужики, а то сейчас Белкин зарывкает.

Любшин как сглазил — в гарнитуре зашипело, и рация голосом подполковника Белкина спросила:

— Там, наверху, чего телепаетесь? «Стена-пять», «Стена-шесть», ускорьтесь.

— Вас понял «Штаб», ускоряемся, — ответил я в рацию и, посмотрев вниз, пробормотал: — Вот только ускориться можно в свободном падении.

— Придётся спускаться медленно и печально, — усмехнулся Олег, — ну что, вперёд?

Только мы шагнули к парпету, как зашипела рация:

— Внимание! «Стена-семь», «Стена-восемь», вернуться на исходную. «Стена-пять», «Стена-шесть», стену пока работаете одни.

Чёрт, чего это Белкин ребят отзывает? Запрашиваю по рации:

— «Штаб», вы уверены?

— Уверен, — резко ответил Белкин, — к вам направляется более худая замена.

Мы переглянулись. Легких и Любшин смотрят друг на друга, оценивая — прошел бы он через створ окна, или нет. По лицам видно, что если надо, то ребята влезли бы и в кроличью нору, но раз командир приказал, значит, надо идти вниз. Он снимают свои бухты, оставляя их пока на крыше.

— Ладно, хоть надо вниз, а не вверх, — ворчит Андрей, — Паш, давай на лифте?

— Не, командир сожрёт, пешком спустимся.

Они уходят, а мы вынимаем пистолеты, досылаем патроны и, поставив на предохранители, убираем их в кобуры.

— Вперёд?

— Вперед.

Стукнувшись шлемами, расходимся на два метра и скользим по «перилам» вниз. Опустившись до десятого этажа и зависаем рядом с окном.

— Уточнение обстановки и доклад, — прозвучало в наушниках.

— «Гнездо-раз», готов.

— Я «гнездо-два», готов.

— «Гнездо-три», готов...

Это докладывали снайперы, контролирующие окна и лоджию на восточной стороне дома.

— «Гнездо-девять», готов. Западное окно даёт блик.

— «Гнездо-десять» подтверждаю, видимость ноль. Солнце бликует.

Это уже снайперы с нашей стороны, сидящие в здании напротив. Хреново, раз они не видят, что творится в комнате.

— «Стена пять и шесть», что у вас? — Это уже нам.

— «Стена-пять» готов, — доложил Жихарев.

— «Стена-шесть» готов, — сказал я в микрофон и покосился в близкое окно десятого этажа, где на подоконнике сидела кошка и пялилась на меня.

— Понял вас. Ждите.

Сдвинул очки на шлем и подставил лицо ветерку. Когда ещё наше начальство решит задачу со многими неизвестными? Покосился на Жихарева, тот тоже «прохлаждался». Кошка потеряла ко мне интерес и начала умываться.

— Хоть бы удачу намыла.

— Что? — Не расслышал Жихарев.

Показал ему на окно.

— А, понял.

Наконец рация ожила:

— Внимание, «Гнездо-пять», «Гнездо-шесть» контроль, «Стена пять и шесть» поставить «глаз».

Мы с Олегом переглянулись. Предстояло незаметно установить маленькую, но весьма многофункциональную камеру на стекло окна. Такие же камеры имели другие группы, но там мешали газеты, наклеенные на стёкла изнутри.

— Серёг, я ставлю «глаз», ты прикрываешь.

— Добро, — ответил я и сказал в микрофон: — «Штаб», ставим «глаз».

Спускаемся к девятому этажу и переворачиваемся. Я замираю в полутора метрах выше окна, прицелившись из пистолета. С другой стороны, завис Жихарев, держа в руках камеру-таблетку. Он протянул руку и быстро прилепил камеру к стеклу, в самый верхний угол. Затем мы отодвигаемся от окна в стороны. Я докладываю «Штабу»:

— «Глаз» установлен.

— Понял вас.

Опять ждать. Сейчас в штабе долго будут решать — что делать? Посмотрят в камеру, определяют — сколько преступников присутствует в комнате, уточняют количество заложников и решат — с какой стороны начинать штурм квартиры.

Есть три варианта.

Первый — это входная дверь, но есть один неприятный момент — дверь железная. Спецы сказали — это не проблема, но прозвучало не совсем уверенно, что заставило напрячься и почесать лоб начальству. Вариант два — лоджия и окна на восточной стороне, то есть окно кухни и двух комнат. Но там все окна закрыты, почему-то, газетами. И вариант три — западное окно, ничем не занавешенное, выше которого висим мы. Плюс, возможные комбинации.

Наверное, преступники решили, что с противоположного здания, стоящего в трёхстах метрах, их не достанут. Наивные. Хотя отчасти они правы. К этому окну доступ сложнее, да и солнце на этой стороне даёт блик и снайперы пока ничего не видят. Может, удастся потянуть время, чтоб блик сошел, вот только висеть на солнцепеке в нашей черной спецуре не «комильфо». Ветерок не приносит должного облегчения. Это другим группам в теньке, на восточной стороне высотки хорошо, а нам...

Скорей бы «штаб» определился с дальнейшими действиями.

Это сотрудники из наркоотдела лопухнулись. Почему-то пошли на захват вчетвером, а наркокурьер оказался прикрыт, причем хорошо прикрыт. Результат — три оперативника ранены, один из них попал в заложники, а курьер и ещё четверо боевиков, заперлись в подвернувшейся квартире, где возможны ещё заложники. Наркоотдел почесал репу и вызвал нас, то есть городской спецназ. Вот и висим вдвоём, как марионетки, ждём «с моря погоды». Тут я вижу, что к нам спускается боец. Сразу узнаю Валеру Истомина. Он зависает в четырех метрах выше и докладывает:

— «Штаб», я «Стена-девять». На месте.

— Принято «Стена-девять», — тут же отозвалась рация, — внимание, всем приготовиться!

— Давно, блин, готовы, — проворчал я и, похоже, не только. Эхом прошла в эфире готовность от всех, произнесенная несколько раздраженно:

— Готов...

— Готов...

— Готов...

— «Стена-пять», готов, — прошипел Жихарев.

— «Стена-шесть», готов, — выдохнул я.

— «Стена-девять», готов.

Все давно готовы, только «фас» сказать, но «Штаб» опять заткнулся. И вдруг:

— Внимание! «Стена пять и шесть» цель зашла в комнату, впереди заложница. Подошел к окну. Прикрывается заложницей. Смотрит.

Жихарев и я «прилепились» к стене. Преступник нас не увидит, если только он не откроет окно и не высунется. Ну не дурак же он? Хотя нам его «дурость» здорово бы помогла и тогда из «гнезда» прилетело совсем не «яичко». Наши снайперы ушлые, но в этот момент, как назло, слепые из-за бликующего солнца. «Штаб» продолжал передавать то, что видит через «глаз»:

— Заложница прикована наручниками к батарее отопления, преступник из комнаты вышел.

— Внимание всем! — прошипела рация голосом Белкина. — Общий штурм через окна. Как поняли?

— «Стена-раз» принял.

— «Стена-два», принял...

— «Стена-пять», принял, — отозвался Жихарев.

— «Стена-шесть», принял, — доложил я.

— «Стена-девять», принял.

Всё, команду «фас» и... но «Штаб» опять чего-то ждёт.

Группам «Стена» на восточной стене хорошо, там прохлада и висеть, как нам не нужно, лоджии, практически рядом, а мы скоро тут запечёмся.

Рация прошипела докладом снайпера:

— Я «Гнездо-два», вижу движение. Вроде кто-то боится.

Вдруг в квартире что-то бумкнуло. А рация голосом «Штаба» истерически заорала:

— Штурм! Штурм! Всем группам штурм!

Истомин моментом соскальзывает до девятого этажа, отталкивается от стены и ногами бьёт стеклопакет.

Тресь! — Вниз летят осколки стекла и вместе с ними супер-пуперкамера, а я влетаю в проём следом за Валерой. ПСМ уже ищет цель. Отстёгиваюсь от шнура и перекатом в сторону. Рядом пронзительно визжат.

— Тихо, — одновременно шипим мы заложнице, — отодвинься в угол.

Девушка замолкает, кивает, сдвигается, и в этот момент в окно влетает Жихарев.

Взяли дверь на прицел. Валера замирает рядом с дверью. Там идёт пальба и кто-то матерится. Чего они там телепаются? Докладываю «Штабу»:

— Западная комната чисто!

— Принято! — отзывается «Штаб».

За дверь орут:

— Глаза!

Бум! И вместе со вспышкой дверь распаивается, и влетает габаритная фигура. Мгновение сопровождаем пистолетами полёт туши, затем я мягко принимаю её в жесткие

объятия. Но этот «жирдяй» вдруг очухивается, дёргается и, взревев, начинает подниматься. С трудом удерживаю его. Мне на помощь приходит Жихарев, и вместе быстро скручиваем задержанного.

— Здоров, зараза! — кричит Олег, прижимая толстяка к полу болевым. — Наручники только-только влезли

— Чисто! — кричит Истомин.

— Чисто! — кричат в глубине квартиры.

Туша под нами матерится и рычит, наносим по удару, тот затихает. В двери появляются два спецназовца. Это Любшин и Легких.

— Чисто! — орут они.

Бах!

Как во сне вижу, брызги крови и заваливающегося на бок Олега.

Ба-бах! Три выстрела сливаются в один. Дёргает бок. «Заложница» отлетает в угол, теряя пистолет.

— У нас трёхсотый! — орёт кто-то.

Жихарева выносят, а я присаживаюсь у стены. Тут и так полно народу, чтоб со всем разобраться.

Как же так? Откуда у неё пистолет и почему она в нас стреляла? Вот так косяк!

Держа на прицеле замершую в углу девушку, приближаются Любшин и Легких.

— Готова.

Над телом склонился Андрей, потом показал на сгиб её руки:

— Наркоманка. Она, похоже, из той же компании.

Паша подбирает пистолет и с удивлением говорит:

— Ого! Смотри, с чем нарики разгуливают. Это же «Глок»!

Туша «жирдяя» заворочалась, повернула голову к окну и дёрнулась в сторону тела:

— Светка!

— Лежать!

— Суки... падлы... порву... — Он рычит с подвывом. Поворачивается. Вижу бешеные глаза. Он смотрит на меня и вдруг яростно хрипит:

— Вяз... Вяз, ты труп. Ты труп, понял? Ты труп! Я найду тебя. Закопа-а-а-а-а...

Загнув боковым, преступника выводят.

Он меня знает? Откуда он меня знает? Лицо знакомо, вот только вспомнить не могу. Такого «жирдяя» я бы всяко не забыл. А «Вязом» меня называли только в школе...

Точно! Вспомнил! Этого толстяка зовут Макс Громин, кличка «Громила», но, помнится, в школе его все называли «Громозека». Вот так встреча! Он постоянно с Вершининым и Тощевым тусовался. Эта троица была поперёк горла всей школе. Там Громин и его «компания» не учились, а просто посещали. Учителя, чтоб не портить показатели, ставили по всем предметам тройки и терпели громинские «выкрутасы» из-за его отца, который был какой-то шишкой в горуправлении.

Игорь Вершинин, по кличке «Вершина», тощая каланча, баскетбольного роста, которого втихомолку все называли «Пик коммунизма» и Вячеслав Тощев, с тучной фигурой, полной противоположностью фамилии и прозвищем «Толща». Вместе с Громозекой они промышляли тем, что отбирали деньги у младших школяров. Часто доставалось и мне, но я с этим не мирился и рыпался в ответ. Потом приходилось молчать и не отвечать на вопросы мамы, скрывая синяки. Не хотелось вмешивать взрослых и прослыть «стукачом».

Объединяло их одно — хулиганство, унижение слабых и постоянное издевательство над младшими. Если у кого были деньги, то они перекочевывали к ним в карманы. Школу они так и не закончили, пропав куда-то после девятого класса. Я тогда только седьмой класс закончил.

— Серёга, ты как? — это рядом присел Истомин. — Тебя вроде задело.

Провожу рукой под мышкой. Пуля прошла по касательной, не задев даже бронежилет, только пропоролла спецуру.

— Нет, я в порядке. Как там Олег?

— Не знаю, — хмуро пожимает плечами Валера, — его уже в больницу увезли.

Вместе смотрим на труп в углу.

— Наручниками приковали. И кто знал, что эта дура с ними заодно? Ну и косяк, мля!

— М-да, косяк... — вздохнул Истомин, — а у того типа какой-то супер-пуперброник надет. По нему в упор лупят, а ему хоть бы хны. «Зарей» ошеломили, так он к нам улетел.

В комнату врывается подполковник Белкин. Перескакивая через разбросанные вещи, он подходит к телу девушки.

— Мать-перемать! — произносит он свою любимую поговорку. — И какого хэ её тут наручниками к батарее пристегнули?

Затем, присев, внимательно осматривает осколки под окном и говорит в рацию:

— Шамаров, пошукай-ка внизу, с западной стороны, «глаз» упавший поищи.

Оборачивается к нам.

— Тот верзила на весь подъезд орал, что закопает какого-то там «Вяза».

— Того верзилу, — поясняю я, — зовут Громин Максим Викторович. Мы в одной школе учились.

— Ясно, — Белкин поднялся, — в рапорте все изложишь. Супермены, мать-перемать!

— Пойдём, Серёга, — подал мне руку Истомин, — вечером в «Погребке» посидим, снимем стресс. Хороший же у тебя выдался последний день перед отпуском.

— Да уж.

У ПАЗика собрались все бойцы, но в салон не входили. Сняв шлемы и расстегнувшись, тихо переговаривались между собой:

— Что про Олега слышно?

— Как там он?

— Жив?

Рядом туда-сюда ходил Белкин, разговаривая с кем-то по мобиле.

— И что? — подполковник резко остановился, а мы затихли. Он мрачно выслушал кого-то, затем спросил тихо:

— Какая нужна? Понятно.

Выругался, при этом обозвав «нерадивых» медиков, заменив первую букву.

— Ну почему всегда так погано в неподходящий момент? — выругался командир. — Вечно чего-то не хватает!

Белкин обвёл нас взглядом.

— Значит так, мужики. Жихарев в тяжелом состоянии. Дико звучит, но срочно нужна кровь четвёртой группы.

Поднимаю руку.

— У меня четвёртая.

— У меня, — махнул Легких.

— И у меня, — сказал Любшин. — Сдадим сколько надо.

По странному совпадению, в нашей четвёрке у всех оказалась одинаковая группа крови.

Заверещал телефон Белкина. Он так озлобленно нажал на кнопку, что чуть не сломал мобилу пополам.

— Да! Что?

Затем внимательно выслушал, а мы так же внимательно смотрели. Может, что новое про Олега?

— Понял, едем. — Нажав отбой, подполковник сплюнул. — Так, мужики, в аэропорту захват. Легких и Любшин в больницу, сдавать кровь, Вязов...

Он взглянул мне в глаза.

— Серёга, всё будет путём. Ты нужен здесь.

Легких и Любшину наказали звонить и сообщать о состоянии Олега, а сами загрузились в автобус, где Белкин сразу стал давать предварительную вводную:

— Итак, мы имеем захват самолёта. Тип борта — сто пятьдесят четвёртая «тушка». Террористы требуют деньги, водку и «бла-бла-бла», как всегда, а также свободный коридор до Ирана, мать-перемать! Придурки. Грозят взорвать борт, хотя вряд ли у них есть ве-ве. Началось всё в момент прихода пилотов, но там террористам обломилось — летуны успели запрыгнуть в кабину и закрыть дверь. Пилоты передали о двух террористах, но не факт что их только двое, так же возможны «тихушники» среди пассажиров. Борт откатали с глаз долой на дальнюю стоянку. Это пока всё, остальное на месте.

Кто-то спросил из глубины салона:

— Но почему именно мы?

— Да потому, что мы единственная группа в городе на данный момент, прошедшая курс по освобождению самолетов. Ещё вопросы?

Вопросов больше не задавали. Ехали молча, чего давно не было. Каждый думал о своём. Я, из-за этой неожиданной встречи, вспоминал своё «боевое» детство. Как раз после седьмого класса я и начал активно заниматься спортом и, можно так сказать, что «Громозека» со товарищи и дали такой толчок. Собирался стать военным, как отец, и стал им.

А вчера опять звонил мой друг, Савин Олег. С ним я с первого по десятый класс сидел за одной партией. Он, не знаю в который раз, интересовался — когда я снизойду до того, что наконец выполню обещание и появлюсь на встрече выпускников, и так пропустил уже кучу «сборищ». А я что могу сделать? В отпуск не отпускают. Второй год без него, родимого. Мало того, мы уже полгода находимся на казарменном положении.

Но вчера мой рапорт наконец подписали, с завтрашнего дня я в отпуске. Только последний день больно уж динамичный выдался.

* * *

Самолёт стоял на самой дальней стоянке. На самом краю летного поля маячили многочисленные пожарные машины. Белкин выпрыгнул из автобуса и сразу заорал, показывая на пожарные расчёты:

— Убрать с глаз долой. Пусть будут поблизости, но не на виду.

Обернулся к высаживающимся бойцам.

— Всем приготовиться, Вязов со мной.

— Николаич, я-то зачем тебе в штабе?

— Будешь за моего зама, раз остался без группы.

Прошли к одноэтажному кирпичному зданию, оштетившемуся множеством антенн. В комнате, уставленной аппаратурой, у большого стола сгруппировались люди, очевидно, входящие в «Штаб».

Командир сразу представился: